

Глава 13

После случившегося у Цяо Пэя пропало всякое желание вести Чао Цы в театр. Почти насильно он вернул недовольного юношу во дворец.

Вернувшись в свои покои, Чао Цы так и не обрел покоя. Он понимал: в словах того человека была и правда, и ложь, но никак не мог провести между ними черту. Цяо Пэй тоже что-то скрывал от него — нечто, связанное с тем таинственным незнакомцем.

«Если он действительно мой муж, то старший брат наверняка об этом знает. Но брат лишь однажды спросил про Цзинь Яо и, услышав, что я его не помню, больше никогда не называл этого имени»

Чао Цы в сердцах взъерошил волосы, чувствуя, как нарастает раздражение.

«Да что же это такое?! Почему вдруг всё вокруг стало таким странным?»

В то же самое время Цзинь Яо, находясь в месте, о котором юноша и не подозревал, готовился встретить подосланных убийц.

Поговорив с Чао Цы, он вернулся в поместье Чао, в тот самый маленький дворик, где его держали под стражей. Стражники даже не заметили, что их пленник куда-то отлучался.

Он сидел в массивном кресле, по-прежнему холодный и отстраненный, но его тонкие губы совершенно обескровили. Весь его облик казался болезненно бледным.

— Ваше... Ваше Превосходительство, вы в порядке? — осторожно подал голос дух Сымина, пугливо высунувшись из сознания.

Цзинь Яо долго хранил молчание.

Он опустил взгляд на амулет безопасности, висевший у него на поясе, снял его и крепко сжал в руке. Но мгновение спустя испуганно разжал пальцы и принялся ледяными кончиками пальцев бережно разглаживать каждую складочку на ткани.

Лишь спустя долгое время Сымин услышал его вопрос:

— Полгода назад ты сказал, что он встретит благодетеля и отныне его жизнь будет безбедной. Под «благодетелем» ты имел в виду Цяо Пэя. Означает ли эта «безбедная жизнь», что он

состарится рядом с ним?

— ... — Сымин несколько раз открыл и закрыл рот, прежде чем, пересилив страх, выдохнуть: — Да.

— Как сложится их судьба?

— Цяо Пэй разделит Поднебесную с соперником, и до конца своих дней рядом с ним не будет никого другого, — дрожащим голосом ответил Бессмертный Владыка.

— Ха-ха... — Цзинь Яо тихо рассмеялся, и в этом смехе было не разобрать — издевка ли это над судьбой или горькое самопорицание. — Ты говоришь, он — моё любовное испытание. Но почему тогда он стал судьбой для другого?

— Это... — пот градом катился с лица Сымина. — Ваше Превосходительство, нити судьбы не высечены в камне. Тем более когда речь идет о вашем любовном испытании. Каждое решение — «пройти» его или «не пройти» — становится решающим поворотом. Возможно, если бы вы тогда не поддались этой скорби... или если бы не стерли память Чао Цы, грядущее было бы иным.

Он говорил всё тише, а упомянув о стирании памяти, и вовсе готов был провалиться сквозь землю. Ведь приказ отдал Господин, но исполнял-то его он, Сымин. Что, если гнев Цзинь Яо падет на него?

Тот потирал амулет, не сводя с него глаз.

— Ты прав, — наконец произнес он. — Я сам толкнул его в чужие объятия.

Но...

За окном послышался легкий шелест ветра. Едва уловимый — обычный смертный ни за что бы его не услышал.

Сымин и Цзинь Яо одновременно повернулись к двери. Мужчина медленно поднялся с места.

К ним гости.

— В одном ты ошибся, — он встал лицом к двери и тихо, с пугающей улыбкой, добавил: — Кажется, моё любовное испытание только начинается.

Стоило ему договорить, как из тьмы вынырнули тени. Люди в черном, с сяочуньдао в руках. Они

словно сливались с ночным мраком, но несли в себе неоспоримую жажду крови.

Мужчина слегка прищурил свои глаза феникса.

Цяо Пэй... а он, оказывается, человек не из робкого десятка.

На следующее утро, сразу после окончания утренней аудиенции, Чао Цзюэ попросил личной встречи с императором.

Их разговор проходил во внутренних покоях, откуда выслали всех слуг. Лицо старшего брата дышало гневом, он с порога бросил обвинение:

— Зачем ты приказал убить Цзинь Яо?!

Вчера вечером он услышал странный шум в том дворе. Когда он прибежал на место, там уже никого не было, но Цзинь Яо сидел в крови — его левая часть груди была пронзена мечом.

Одного взгляда хватило юноше, чтобы понять: это было покушение.

Дворик охраняло множество стражников. Пусть они были там для надзора, но обязаны были остановить любого лазутчика. И всё же они стояли на своих постах как ни в чем не бывало, словно не слышали грохота сражения — а ведь его услышал даже Чао Цзюэ, простой ученый, не владеющий боевыми искусствами!

Все эти люди подчинялись Цяо Пэю. Стало быть, именно император подослал убийц.

Внезапное появление Цзинь Яо несколько дней назад застало того врасплох. Признаться, он никогда не любил этого человека. И дело было не в личной неприязни, а в самом Цзинь Яо. Тот возник из ниоткуда, твердил о потере памяти, скрывал прошлое. Если бы не Чао Цы, который тогда и слышать ничего не хотел, кроме этого мужчины, Чао Цзюэ никогда не позволил бы им пожениться.

После свадьбы он наводил справки: они не делили ложе, а Цзинь Яо вел себя с его влюбленным братом холодно и отстраненно. Когда был в духе — мог улыбнуться, когда нет — одарял ледяным презрением. Как истинный «брат-наседка», Чао Цзюэ едва сдерживал ярость, желая вызвать этого наглеца на серьезный разговор.

Но это были дела супружеские. А потом случилась беда, Чао Цы бежал вместе с мужем. Когда их нашли в провинции Даюэ, Чао Цы был один и совершенно не помнил своего супруга.

И вот спустя полгода Цзинь Яо объявляется в столице государства Е и плетет сомнительные речи. Чао Цзюэ был уверен: амнезия Чао Цы не случайна. Брат помнил абсолютно всех, помнил каждую мелочь за эти три года, но забыл одного-единственного человека. Он слышал о темных искусствах, способных на такое.

К тому же Цзинь Яо не просто красив — его аура, его манеры не имели ничего общего с обычными людьми. И такой человек утверждает, что ничего не помнит? Верить в это мог только его наивный, доверчивый младший брат.

Цяо Пэй внушал Чао Цзюэ куда больше доверия. Они были боевыми товарищами, вместе смотрели смерти в глаза, и он прекрасно видел, как император относится к Чао Цы.

Исходя из этого, он согласился на домашний арест Цзинь Яо. Но одно дело — арест, и совсем другое — убийство. Как ни крути, тот был вписан в их родовую книгу как муж его брата. До потери памяти Чао Цы любил его до безумия. И пока нет четких доказательств злого умысла, как можно лишать его жизни?

Что, если однажды память вернется к брату? Как они посмотрят ему в глаза?

Император знал, что Чао Цзюэ придет к нему. Он ответил спокойно:

— Вчера мы с Чао Цы были в городе, и на полпути он внезапно исчез. Пока я в отчаянии искал его, он появился на том же месте спустя четверть часа. Сказал, что его похитил человек, называющий себя его мужем.

Хотя они были государем и подданным, в молодом государстве Е они оставались прежде всего соратниками. Половина этого трона, без преувеличения, принадлежала Чао Цзюэ. Поэтому Цяо Пэй опустил формальности и называл себя просто «я».

Его собеседник застыл, осознав смысл сказанного. Ему не нужно было ничего объяснять. Цзинь Яо находился под стражей, окруженный лучшими мастерами, но сумел незаметно уйти и вернуться. Безнаказанно, прямо под носом у стражи.

Может ли такой человек быть простым странником с потерей памяти? От одной этой мысли по спине пробежал холодок.

Однако Чао Цзюэ не позволил императору сбить себя с толку. Подавив тревогу, он с гневом произнес:

— У нас до сих пор нет доказательств. И пока что Цзинь Яо не сделал ничего дурного — по крайней мере, мы об этом не знаем. Цяо Пэй, ты подумал о том, что если ты убьешь его, а Чао Цы всё вспомнит, как он посмотрит на нас?!

В глазах Цяо Пэя лопнули сосуды:

— И что мне прикажешь делать? Просто смотреть, как он забирает его у меня?

Он ни о чем не жалел. Жаль было лишь того, что подсланные люди вчера не сумели забрать жизнь Цзинь Яо. Если Чао Цы и впрямь всё вспомнит... к тому времени соперник должен быть мертв. Как мертвецу тягаться с живым?

Чао Цзюэ долго смотрел на императора, прежде чем тихо сказать:

— Ты обезумел.

Возможно, он совершил ошибку. Не стоило доверять судьбу брата Цяо Пэю.

Чао Цы ничего не знал о размолвке между императором и братом. В это время он сидел в своей комнате, уплетал пирожные и вертел в руках деревянную птицу, купленную вчера на улице.

Игрушка была сделана на диво искусно, с хитрыми механизмами, и юноша увлеченно ее изучал. Но стоило ему позабыть о вчерашних тревогах, как свет в комнате внезапно померк. Словно кто-то загородил окно.

Чао Цы удивленно поднял голову и увидел вчерашнего мужчину. Сердце испуганно екнуло.

— Ты... Как ты снова сюда попал? — он занервничал, проклиная себя за то, что отослал служанок. — Предупреждаю, не смей сегодня нести всякую чепуху, иначе я закричу! А-Пэй приставил ко мне кучу стражников, они вмиг прибегут!

Мужчина был в тех же белоснежных одеждах из шелка, столь тонкого, что он казался сотканным из морской пены. Лишь при ярком свете на рукавах проступали серебряные узоры.

Услышав «А-Пэй», Цзинь Яо помрачнел. От этого темного, давящего взгляда Чао Цы стало не по себе.

— Ты называешь его «А-Пэй»? — его голос был низким и угрожающим.

— Ну да... — юноша бочком отодвинул стул подальше. — А что не так?

— Ты не должен называть других так, — отрезал мужчина. Его лицо становилось всё более суровым.

Когда-то Чао Цы нежно звал его «А-Яо». Это звучало так ласково и сладко... Но теперь это имя было отдано Цяо Пяю. Он чувствовал невыносимую горечь, смешанную с глухой яростью.

— Не буду, так не буду, — пробормотал юноша, решив не лезть на рожон, хотя и старался сохранить независимый вид. — Подумаешь, имя... Тебе-то какая печаль.

Заметив, что Чао Цы уступил, гость немного смягчился. Юноша, видя, что гость больше не выглядит столь пугающе, осмелился рассмотреть его получше. И тут он заметил... левая рука мужчины была обмотана толстым слоем бинтов.

— Ты ранен? — осторожно спросил Чао Цы.

Тот приподнял левую руку:

— Ты про это?

— Ну да.

— Разве это рана... — он усмехнулся.

Мужчина шагнул ближе и внезапно перехватил запястье юноши.

— Что ты делаешь?! Я же сказал — не смей распускать руки! — Чао Цы запаниковал, пытаясь вырваться.

Но когда Цзинь Яо с силой прижал его ладонь к собственной груди, паника стала почти осязаемой.

— Стой! Что ты творишь, бесстыдник!

— Если бы я хотел быть бесстыдником, я бы не стал так утруждать, — усмехнулся Цзинь Яо.
— Чувствуешь?

— Что чувствую? — юноша замер, но вскоре понял, что под его ладонью что-то не так. Там было... какое-то уплотнение?

— Ты что-то спрятал под одеждой? — спросил он.

Цзинь Яо небрежно распахнул ворот верхнего халата, обнажая нижнюю рубаху. На правой стороне груди медленно расплывалось алое пятно.

Чао Цы в ужасе отдернул руку.

Тогда мужчина решительно стянул рубаху с плеча, открывая взору торс. Поперек груди и плеча тянулись тугие повязки, насквозь пропитанные свежей кровью. Из-за того, что он только что с силой прижимал руку Чао Цы к ране, та снова открылась.

<http://bllate.org/book/15361/1372904>